

Н.Е. Мазалова

**ПРОЕКТ ВЫСТАВКИ
«ИЗБА СЕВЕРНОРУССКОЙ ЗНАХАРКИ»
(Из практики *знающих*)**

Задачи выставки — показать народную медицину как совокупность представлений, знаний и практик, связанных с профилактикой здоровья и лечением. Здоровье, по народным верованиям, отражало гармоничную связь с космоприродным миром, болезнь сигнализировала об ее нарушении.

У русских народная медицина не сформировалась в самостоятельную отрасль знаний и профессию: она пронизывает все стороны культурно-бытовой и социально-обрядовой жизни как часть религиозной системы, вследствие чего практически каждая вещь несла «медицинскую» функцию. Повышенной степенью «лечебности» наделялись предметы ритуального назначения, составлявшие специфические наборы «медикаментов» в магической практике народных лекарей. На Русском Севере не сложилось четкой терминологии для обозначения лиц, занимающихся только врачеванием: слова *знаткой*, *знающий* (*знает*), синонимичные термину «знахарь», обозначают людей, владеющих тайным знанием не только в области народной медицины, но также в области промысловой, пастушеской, любовной магии (включая вредоносную); иногда таких *знающих* называли *колдун*, *икотник*. Бывало, что колдуны лечили, а знахари занимались вредоносной магией. Нередко подобных лиц именовали производными от формы магического воздействия. Пользующихся *словами* (заговорами) называли *шепчут*, *шептарь*, *шептун*; про таких говорили, что они *дуют/плюют* слова, ибо нечеткость речи свойственна многим из них.

Представление о народной практике севернорусской деревенской знахарки нагляднее всего можно дать в интерьере избы, расположив материал в трех семантически значимых частях дома-двора: сени, жилое помещение, двор.

В архаических представлениях русских дом уподоблялся человеческому телу: крыша — «голова», окна — «глаза», дверь — «рот» и т.д. Дом, как и тело, защищает внутреннее его содержание, т.е. его функция — охранительная. Эту функцию по-своему исполняли и все части дома — двора.

I. Сени

Граница между «своим» и «чужим» (внешним) пространством. Бытовое назначение — вход + хозяйственная подсобка. Их защитную функцию можно оформить следующими «охранительными» вещами.

© Н.Е. Мазалова, 2008

Дверной проем, опасный в плане проникновения нечистой силы и ее носителей, укрепляли в первую очередь. При этом считалось, что наиболее сильными защитными функциями обладали предметы, найденные случайно. Над дверью прибывалась подкова, «чтобы болезнь не ходила», над дверью же или на самой двери вырезали или рисовали углем, дегтем, мелом крест; с той же целью прикрепляли пучки крапивы, можжевельника и других трав. К порогу или дверному косяку прибывали подкову, нож, обломок косы. Трением бруса о порог избы добывали так называемый *живой огонь* от повальных болезней людей и скота. Вход из сеней в жилое помещение — еще одна граница между «своим» и «чужим» пространством; на ней также нередко рисовали кресты, помещали иконки и различные обереги. На пороге проводились многие обрядовые действия, например произносились тексты заговоров (рис. 1).

Рис. 1. Знахарка уа пороге произносит заговор на «уроки» (Архангельская обл., Лешуконский р-он. Фото В.Е. Балахнова).

В сенях стояли кадушки с питьевой водой, которые обязательно следовало закрывать (как любую посуду), иначе туда мог проникнуть злой дух.

В некоторых местностях (например, в Заонежье) в сенях происходили роды, для охраны которых использовали части конской упряжи, дугу: родильница пролезала через нее при трудных родах.

II. Изба

Доминантами магической деятельности знахарки являлись печь и печной угол, поэтому здесь было бы уместно поместить ее изображение (увеличенную фотографию или манекен).

По народной этике, знахарка должна обладать всеми добродетелями — благочестивым поведением, добротой, сердечностью в обращении, стремлением помочь людям и безотказностью, так как отказывать в лечении — грех. Нередко знахарка исцеляет больного или *пособляет* ему ценой собственного здоровья: «лажу (лечу) — потом болею». Причина собственной болезни осмысливается ею как переход к ней недуга пациента.

У печи знахарка обычно заговаривала болезни, и разработанность ее «печной» практики косвенно свидетельствует о приоритете женщин в ле-

чебной практике. В первую очередь, у устья печи совершался обряд лечения *уроков* — сглаза (рис. 2). Во время произнесения заговоров дымоход нужно было закрывать, «чтобы через него слова не улетели». Заговор произносился в холодную пищу или питье (в горячей субстанции они «выпариваются»), оттуда они попадали в кровь, где вступали в борьбу с болезнями. Знахарка говорила шепотом, потому что непосвященные не должны слышать сакральные тексты. Недалеко от изображения знахарки (лучше под матицей) можно поместить манекен (фото) больного. К нему знахарка выходила после заговора: если он «наговаривался» в воду, она умывала лицо больного, смачивала водой его колени, локти, лила водой на больное место, приговаривая: «На сердечко полила, под коленками». Затем больной выпивал воду, а ее остатки выплескивались за порог с приговором типа: «Поди, болезнь, отколь пришла: с лесу пришла — на лес пойди, с ветра пришла — на ветер пойди, от людей пришла — на людей пойди». Лечебный обряд заканчивался изгнанием болезни из тела человека.

Рис. 2. Знахарка у печи произносит заговор на полуночицу.
(Архангельская обл., Виноградовский р-он. Фото автора).

Рядом с печью у двери следует повесить умывальник. Знахарка не сме- ла приступить к проведению лечебного обряда, не умывшись и не прове- дя очищение огнем, хотя бы зажженной спичкой (вокруг себя). И вообще неумытому человеку опасно пускаться в дорогу, с ним может случиться несчастье, например убить молния. После похорон в умывальник насы- пали землю с могилы и умывались ею, чтобы не бояться умершего.

Витрина «Атрибутика лечения» (в печном углу)

В ней размещаем фотографии знахарок и различные «инструменты» их лечебной практики.

Тетрадки и листки с заговорами: тетради с заговорами, предметы, относящиеся к ним. Знахарка обычно является аккумулятором «тайных знаний» данной локальной традиции. Грамотная знахарка старается записать заговоры, так как авторитет владелицы письменных заговоров более высок, чем той, что сохраняет их в памяти. Заговоры обычно передаются по наследству: есть поверье, что их необходимо передать хотя бы перед смертью, иначе *знающему* будет тяжело умирать, как колдуну. До наших дней сохраняется запрет передачи заговоров от младшего по возрасту человека старшему, поскольку их чтение не будет действенным. В некоторых местностях полагают, что заговор вообще теряет силу при передаче его другому лицу, независимо от возраста.

Урочные камни. С их помощью проводилась «диагностика». Перед началом обряда знахарка бросала в воду камешки: если они «зашипят» — это означает, что человека *обурочили*. В некоторых случаях ими и лечили от уроков: клали в посуду (кринки, миски и др.), читали на них заговоры и обливали больного со словами: «Первый камень от отзыку, второй камень от сглазу, третий камень от оговору» (Вологодская обл., Белозерский р-н).

Воск. Еще одно «диагностирующее средство». В блюдо с водой наливали расплавленный воск и проверяли: если застывающая поверхность гладкая, то человек здоров, если вздыбившаяся — испуган (испорчен).

Различные по функциям «инструменты» знахарки: *клык кабана* — вероятно, оберег (отд. Европы XII — 1322 — Вологодская губ., Тотемский у.) (рис. 3); *нож* — им крестят наговоренную воду и лечат от чирьев: обводят полено суком или тычут в него с приговором: «Чирий Василий, иди с того места. Тут тебе не место и не местище. Поди к старому хозяину в сук. Тут тебе и место и местище» (Архангельская обл., Верхне-Тоемский р-н.); *иголка* — ею тоже лечат чирьи: обводят чирей, затем тычут в стену, в суковатое место: «Где сук, тут тебе не место, вот где место» (Там же); *солонка с солью* — соль и хлеб — защитники от болезней: «На хлеб на соль супостата нет»; *ложка* — знахарка мешает ею наговоренную воду — «придает ей силу»; *веретено* — им *закальвали* болезнь ушей и горла — *жабу*. Текст заговора на *уховерт* (воспаление среднего уха): «Колю — закальваю, уховерт, вон, вон, уходи» (Архангельская обл., Плесецкий р-н); на *жабу*: «Свет Егорий копьём подколет, Микола Угодник водой обмоет, Илья Пророк огнем сожжет сухую жабу, мокрую жабу, горляну болезнь у раба Божьего» (Архангельская обл., Лешуконский р-н); *ножницы* — ими тоже *зака-*

Рис. 3. Клык кабана.
МАЭ. Колл. № 12-1322.

львали ушные болезни, а также отрезали пуповину с заговором: «Как ножницы спокойны, так и мой ребенок будь спокоен»; *кремень и огниво* — огнем, высеченным из огнива, лечили некоторые кожные заболевания, например *летучий огонь* (аллергию). Считается, что причиной этой болезни служит непочтительное отношение к огню: плевков или испражнение. При высечении огня знахарка произносит диалог: «Что секешь? — Огонь секу. — Секи, гора, чтоб век не было» (Архангельская обл., Вельский р-н); *лучок и стрелочка из вицы (прутика)* — знахарки делали эти атрибуты для лечения косоглазия — *отстреливали косину*. Текст заговора: «Стрелю, застреливаю косину...» (Архангельская обл., Пинежский р-н); *щучьи зубы* (отд. Европы, колл. № 6945–12) — ими через материнский платок загрызали грыжу у ребенка, варианты заговоров из Архангельской губ.: «Грызу я, загрызаю двенадцать грыж: грыжу пуповую, грыжу нутрянную, грыжу сердцевую...»; «Есть на акияне белый камень и под белым камнем щука золотая и перье золотое, и зубы золотые и приди, щука, к рабу Божьему (имярек) и выгрызи <...> своими золотыми зубами грыжу»; *пучки трав* — наиболее употребительными у знахарки были богородская трава, или чабрец (использовалась при лечении испуга у детей), зверобой (при лечении желудочных и других заболеваний), порезная трава, или тысячелистник (при лечении ран).

Над витриной хорошо было бы повесить лубочные картинки с тематикой нечистой силы, виновной в напускании различных болезней: водяной, леший, домовый, черти. Рядом с витриной можно поставить фигурку лешего (отд. Европы, колл. № 1079–1).

Знахарка, у которой были дети, исполняла обязанности повитухи. Она не должна была иметь физические изъяны, чтобы они не перешли к принятым ею младенцам. По верованиям, повитуха ходила за душой новорожденного на тот свет.

Витрина «Беременность и роды»

Аннотация к действиям и вещам, запрещенным для беременных. Предметы, связанные с рукоделием: образец вышивки (отд. Европы, колл. № 6576–145), мотки ниток (отд. Европы, мотовило — колл. № 2911–372), веревка, пояс — нельзя их переступать (отд. Европы, колл. № 347–75 а, б, в., Олонецкая губ.). Хозяйственные орудия: коромысло (отд. Европы, колл. № 1036–519), хомут, дуга (отд. Европы, колл. № 5119–30). В качестве оберега для беременных, нарушивших запреты знахарки (прощание с покойником, хождение на кладбище), положить красную деревянную ложку.

Рядом с витриной можно поставить стенд с предметами:

Ларец с ключом (отд. Европы, колл. № 3950–2 а, б): во время трудных родов открывали двери, шкафы, сундуки, ларцы с приговором: «Приходила бабушка Соломонидушка, брала золотые ключи, открывала мясные ларцы» (Архангельская обл., Верхне-Тоемский р-н).

Яйцо. В Новгородской губ. беременная, у которой часто были выкидыши, носила его 40 дней. Повитуха катала яйцо по животу роженицы с заговорами; например: «Как кура яичко рождает легко, так и я рожу легко»;

«Как у этой курочки яичко не держится, так бы у рабы Божьей <...> не лежал младенец Христов в утробе» (Вологодская губ., Кадниковский у.)

Квашня. Во время чых-либо трудных родов повитуха замешивала тесто, сопровождая действие чтением заговора: «Я тебя, квашоночка, твою с утра до вечера, так бы и рабице Божией <...> мучиться один часок минутный» (Архангельская губ.)

Тус с водой. Водой, принесенной с реки, повитуха умывала роженицу и давала немного выпить под ее заговор: «Водица моя, царица, бежишь через горы и повороты, ничего тебя не держит: ни горы, ни крутые повороты, так бы у роженицы <...> проходы были, кости расходились» (Архангельская обл., Вельский р-н).

Кочерга. Роженицу заставляли перешагивать через нее при трудных родах.

Красный пояс (отд. Европы, колл. № 1036–246, 357, 425). Роженица переступала через него для ускорения родов.

Сковорода. Повитуха ходила вокруг роженицы, подбрасывая блин на сковороде: «Так быстро и легко блин сходит, так быстро и легко блин вышел».

Горшок. После родов сорок дней пустой горшок оберег стоит под кроватью роженицы.

Штаны мужа. При тяжелых родах роженица трижды переступала штаны мужа: «Не я буду маяться, а ты будешь маяться» (Архангельская обл., Вельский р-н).

Веник березовый. Когда знахарка *правила* роженицу в бане, она проносила заговор: «Как этой березе коренем не стоять, веток не распускать, корней не пускать, так моему золотнику [матке. — Н.М.] на место встать».

Блюдо. В нем проводился обряд «размывания рук» на 20–22 день после родин.

Витрина «Новорожденный»

а) *Вещи для обрезания пуповины:* топор, прялка (отд. Европы, колл. № 2911–368, 369, 372), подойник (отд. Европы, колл. № 6723–250) или прялка (отд. Европы, колл. № 5324–14).

Обмывание. Какая-либо емкость с водой, в которую клались серебряные монетки с приговором: «На золото, на серебро ничего не пристает, так и к рабу Божьему <...> ничего не приставай» (Архангельская обл., Плесецкий р-н).

Заворачивание. Отцовская рубаха. Ей приписывали приворотные («чтобы отец любил»), и обережные функции: новорожденного следовало трижды сунуть в печь и завернуть в грязную потную рубашку: «Печь не боится ни жару, ни пару, так же мой ребенок не боится ни шуму, ни гаму» (Архангельская обл., Вельский р-н).

Правез. Платок матери — через него знахарка загрызала грыжу у новорожденного: «Грызу, я загрызаю все двенадцать грыж, грыжу пуповую, грыжу шулятную...» (Архангельская обл., Виноградовский р-н).

Рис. 4. Костяной молот. МАЭ. Колл. № 1036–541.

Стенд рядом с витриной

Колыбель, накрытая материнской юбкой (отд. Европы, колл. № 5376–72). Был целый ряд запретов, связанных с колыбелью, например нельзя качать пустую колыбель, иначе у ребенка будет бессонница или он умрет. В качестве оберегов под матрас клали шапку отца (для мальчика) или платок матери (для девочки), сложенные крест накрест нож и ножницы, ладанку с зернами, ртутью. От бессонницы над колыбелью подвешивали кусок кожи или валенка с шилом, веретено, кудель, лучину, а также модель сохи (отд. Европы, колл. № 1036–620, № 6576–153), девочке — прялочку, гребень, веретено (отд. Европы, колл. № 628–5, Иркутская обл., № 2039–15 Вологодская губ.), мальчику — лучок со стрелкой (отд. Европы, колл. № 1036–40, 44, 339). Повитуха (или мать) при этом приговаривала: «Вот тебе прялка, кудешко и веретешко, пряди, а дитем не играй»; «Вот тебе стрелка и лучок, играй стрелкой и лучком, а не нашим дитем».

Обереги к колыбели. Подвешивали *костяной молот* (отд. Европы, колл. № 1036–541, 592) (рис. 4), флакончи-*аргутинец*, наполненный ртутью (отд. Европы, колл. № 1036–225 а, б), с приговором: «К ртути ничего не пристаёт, так и к рабу божьему <...> ничего не пристанет» (Архангельская обл., Виноградовский р-н); *березовый веник* (рис. 5): «Как голик спокойно лежит, так и ребенок спокойно спи» (Архангельская обл., Плесецкий р-н).

Витрина (стенд) «Уход за младенцем»

Камешек (любой). Клали в воду для мытья ребенка: «Коль камешок крепок и здоров, ни о чем не болеет, так и у меня ребенок расти крепок» (Архангельская обл., Пинежский р-н).

Серебряная монета. Клали в таз для мытья ребенка: «На золото, на серебро ничего не пристаёт, так и к моему ребенку ничего не приставай» (Архангельская обл., Шенкурский р-н).

Рис. 5. Флакончик-аргутинец, наполненный ртутью. МАЭ. Колл. № 1036–225.

Колокольчик. Окунали в воду, которой поили ребенка, долго не начинавшего говорить.

Корыто. Под него клали ребенка, больного чахотой (рахитом), и стучали по нему топором: «Чахота-сухота, пойдй дальше от меня, пойдй в землю от меня...» (Архангельская губ.).

Стенд «Вещи, помогающие росту и здоровью ребенка»

Топор или нож. Ими *резали путо*, т.е. разрезали невидимые пути между ног ребенка, чтобы он быстрее стал ходить. Приговор: «Твою страсть секу, твою страсть засекаю» (Архангельская обл., Вельский р-н).

Ходульки. Приспособление для самостоятельного научения ребенка ходьбе.

Помело из еловых веток. С его помощью знахарка лечила многие детские болезни. При лечении полуночницы — бессонницы у детей — она вначале *пашет* (заметает) им в печи, а затем обводит вокруг колыбели и произносит заговор: «Чехотница, полуночница-шилохвостка, не тешься, не потешайся моим дитем, а тешься, потешайся гуменным мешком да серым камешком» (Архангельская обл., Пинежский р-н).

Хлебная лопата. На ней сажали в печь ребенка, *больного собачьей старостью*, что называлось «перепекание». Обряд сопровождался заговорным диалогом: «Что пекешь? — Собачью старость. — Пеки ее, чтобы век не была» (Архангельская обл., Виноградовский р-н). *Собачью старость* лечили и другим способом: протаскивали ребенка через связанные калачи.

Витрина, посвященная росту и половому созреванию девушки

Над витриной повесить фотографии молодых девушек и аннотацию к ним о физических признаках здоровой девушки, способной к продолжению рода, и о роли знахарки в их улучшении: магические приемы регулирования менструаций для приобретения генеративных способностей. Один из них — питье заговорного настоя на корне травы калган при появлении первых месячных: «Трава калган служила верой и правдой, как носила Мать Пресвятая Богородица на себе великую кровь, так и ты уничтожила бы у рабы Божьей <...> и не усилила бы великую кровь» (Вологодская губ., Кадниковский у.).

Женская рубаха. Во время первых менструаций девушка надевала рубаху матери, которую она носила в период полового созревания. Делалось это для того, чтобы у дочери водились дети. Матери обучали дочерей образцовому поведению во время менструации, в первую очередь действиям с нижней одеждой. Так, белье, в котором девушка была во время менструации, нельзя было стирать в проточной воде, чтобы не усилить кровотечение (или, напротив, «месячных не будет»), сжигать, зарывать в землю. Рубаху надо было беречь от колдуньи, которая могла нанести большой вред ее владелице, вплоть до смерти.

Ряд предметов, связанных с предсвадебной девичьей магией.

Праздничный костюм девушки-*славухи*. Понятие «слава» означало комплекс представлений о красоте, физической привлекательности, нравственных качествах. Приобретение и увеличение *славы* происходило с помощью косметических средств (белила, румяна, сурьма, чернение и т.д.) и заговоров в определенные сакральные даты.

Серебряные монеты. Их обливали водой и умывались с заговором: «Как чисто серебро светит и сияет, так у рабы Божьей <...> светило и горело личико, и добрые люди зрели бы, смотрели бы и ясных очей не сносили» (Архангельская обл., Шенкурский р-н).

Колокольчик. В него брали воду из проруби, а потом обливались девушки во время великих праздников: «Как этот колокол звонит, так бы звонили и говорили добры люди по праздникам, по ярманкам и по торговлям про меня рабу...».

Мыло. Заговор на умывание мылом: «Мыло, смой, смывай сажу черную, оставляй хорошынь да добрынь, приходи, красный молодец, погляди на меня» (Архангельская обл., Вельский р-н).

Витрина «Свадебная обрядность»

Центром всех ее актов, от сватовства до свадебного пира, был *красный*, или *большой*, угол. В нем — манекены жениха, невесты и колдуна. Над ними — репродукция картины В. Максимова «Приход колдуна на свадьбу» и текст о колдуне (рис. 6).

Колдун — *еретник*, *нехристь* и т.д. — человек, получивший «тайное» знание от нечистой силы. Колдуны делятся на «природных» и «ученых». Первые — это либо рожденные вне брака (в третьем поколении), либо от связи женщины с колдуном, либо проклятые матерью в утробе. Считалось, что у «природных» колдунов от рождения есть особые отметки: так,

Рис. 6. Приход колдуна на свадьбу.
(Репродукция с картины В. Максимова «Приход колдуна на свадьбу»).

в старину верили, что колдуном станет ребенок, родившийся «в рубашке» или с волосами / зубами. «Ученым» колдуном становился человек, прошедший дьявольское (колдовское) посвящение и получивший «помощников» (чертей). Один из вологодских обрядов посвящения: посвящаемый в бане должен был влезть в пасть огромной лягушки, обрядовое поглощение рождало нового колдуна. Но обычно обряд сводился к «запродаже души черту» с распиской кровью.

Деятельность колдуна разнообразна: он портит людей, животных, *привораживает, отворачивает* (рис. 7). Особенно часто портили жениха и невесту. *Портеж* делался с помощью заговоренных предметов.

Витрина: «Свадебная порча и ее предотвращение»

Щепка с отверстием от сучка. Ею наносилась порча на жениха, чтобы вызвать у него половое бессилие и лишить его полового влечения к женщине: это называлось *убрать в костер, сделать невестаниху* (Заонежье). Для этого колдун подбирал у дома невесты щепку с отверстием, по очерканиям напоминавшую человеческую фигуру, и прятал ее с наговором в поленницу дров во дворе. Снять порчу, т.е. найти эту щепку, было делом весьма трудным.

Стручок гороха (с девятью горошинами). На него колдун наговаривал текст и либо прятал между бревнами своего дома, либо клал в свадебную повозку с приговором: «Девять мер гороху, десятая невеста, кони ни с места» (Архангельская обл., Шенкурский р-н).

Булавка. Для того чтобы лишить жениха потенции, ее надо воткнуть в то место, где он помочился в первую брачную ночь.

Рис. 7. Кодунья. Лубок XIX в.

Обереги: Кусок рыболовной сети — в день свадьбы жениха и невесту обматывали рыболовными сетями с завязанными на них узлами. Приговор: «Как этот узел не развязать, так и раба Божия (рабу Божию) <...> не испортили, не изурочили»; *игла* — жениху втыкалась в штанину, а невесте — в подол; у невестиных иголок обламывали ушки, чтобы она легко могла впоследствии разродиться; *воск, дресва (крупный камень), замок* — на них знахарка наговаривала свадебный отпуск, который молодые должны были хранить во время свадьбы; *янтарь, ладан* — подвешивали к изнанке одежды, *чеснок, семена льна* — насыпали в обувь; *плеть* — ею дружки стегали дорогу, по которой должен был проезжать свадебный поезд для того, чтобы «отогнать» порчу.

Знахарку приглашали и в тех случаях, если предохранительные действия заранее не были проведены и обнаруживалась порча. При остановке свадебного поезда, например, знахарка сажала на соломинку блоху и клопа и произносила приговор: «Как блоха да клоп скачет, так и вы, кони, скачите» (Вятская губ.). Жениху она возвращала утраченную половую способность следующим образом: выдавала кровь из гребня петуха (петух — символ мужской плодовитости) и поила ею жениха с приговором: «Как гребешок у петуха стоит, так чтобы и у раба Божия <...> стоял».

Рис. 8. Венчальная сорочка. МАЭ. Колл. № 6976–6.

Венчальная сорочка (отд. Европы, колл. № 6976–6, 7, Ярославская обл., Угличский у.). Наговоренную сорочку невесты использовали в обрядах лечения ребенка (рис. 8).

III. Хлев

Витрина / стенд «Способы охраны, профилактики и лечения животных при содержании и отеле»

Крест надворный (отд. Европы, колл. № 893–59). Прикреплялся с наружной стены к воротам или на воротах скотного двора.

Коромысло и хлебная лопата. Корову перед случкой заставляли перешагнуть через коромысло, после чего ее хлопали хлебной лопатой по хребту: «За чем пошла, то и неси». (Ср.: если женщина долго не беременела, свекровь хлопала ее по ягодицам хлебной лопатой с приговором: «Хватит мяться, пора и обгуляться».)

Туес. Им черпали воду по течению реки и затем обливали и поили корову, чтобы облегчить отел; заговор был аналогичен тому, что произносили при родинах; например: «Устья-река, откройте роды, пролейте воды, пропустите ребеночка (теленочка)» (Архангельская обл., Вельский р-н).

Шерсть, клубок ниток и холст. Дары дворовому: хозяйка клала их поверх корма в яслях, чтобы тот любил скотину и заботился о ней.

Решето. В нем *просеивали* цыплят, чтобы они не разбегались из двора, в нем кормили кур, «чтобы они несли яйца в одно место, в одно гнездо» (Архангельская обл.)

Куриный бог. Камень с дыркой или, горлышко кувшина подвешивали возле куриного насеста, чтобы куры были здоровы и плодовиты.

Старый лапоть. Оберег скота в хлеву.

Кнут. Новым кнутом, еще не смазанным дегтем, укрощали дворового, который мучил скотину и лошадей, пришедшихся «не ко двору» или «не в масть».

Мышеловка. Иногда дворового, принимавшего звериный вид, «отлавливали» в мышеловку (Заонежье).

Вилы и плетка. Ими прогоняли чужого домового: «Чужой домовый, вон из хлева, а свой домовый, назад приходи». Особой силой «обладали» украденные вещи (Архангельская обл., Вельский р-н).

Через двенадцать дней после отела знахарка проводила обряд ритуального очищения коровы — *молить корову*. Она клала в воду серебряное кольцо или серебряный крестик, а затем этой водой омывали животное; также окуривала ее ладаном, мхом, взятым особым образом или сухой богородицкой травой. В заговорах просили здоровья корове, изобилия молока и приплода бычков.